

Николай Щербатюк

Осенний Бог:

АНАТОМИЯ ХАНДРЫ



Николай Щербатюк

Осенний Бог: Анатомия хандры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73024172

SelfPub; 2025

Аннотация

Эта книга – не просто текст, а психологическая инициация для тех, кто устал от диктатуры «успешного успеха» и вечного лета. Перед вами честный и ироничный путеводитель по изнанке души, где Осенний Бог выступает в роли сурового хирурга, отсекающего всё лишнее.

В двенадцати главах – от «Матового зеркала» до «Танцев в пустоте» – я проведу читателя через алхимию серости, диктатуру сырости и теологию тумана. Это манифест осознанного увядания, где хандра признается высшей формой эстетики, а черная полоса – единственным источником подлинной глубины.

Вы научитесь различать пятьдесят оттенков правды в свинцовом небе, пить «сливки с горечью» и находить в грязных лужах отражение вечности. Здесь нет дешевого утешения – только твердость духа, отстраненность и пронзительная нежность к человеческой хрупкости. Закройте глаза и сделайте шаг в туман. Ваше лето официально закончено. Начинается жизнь.

Содержание

Пролог: Грязь под ногтями Творца	4
Глава 1. Матовое зеркало: когда выключают свет	10
Глава 2. Психология пелены	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Осенний Бог:

Анатомия хандры

Пролог: Грязь под ногтями Творца

Я никогда не верил в дьявола. Все эти сказки о сере и копытах – слишком театрально, слишком предсказуемо, слишком по-человечески. Зло не обязано быть эффектным, чтобы разрушить твой мир. Но я верю в Осеннего Бога. И если вы думаете, что это очередная поэтическая метафора, рожденная за чашкой латте в уютном кафе, то вы ошибаетесь так же глубоко, как те, кто считает, что лето будет длиться вечно.

Осенний Бог не приходит с пафосом громовержца. Он не раскалывает небо молниями и не трубит в золотые трубы. Его пришествие – это шорох. Это едва уловимый скрип старой половицы под тяжестью чего-то невидимого. Он просачивается сквозь микроскопические щели в оконных рамах, которые вы так тщательно заклеивали. Он оседает липким, маслянистым холодом на затылке в тот самый момент, когда вы еще надеетесь, что солнце сегодня согреет. Нет, оно не согреет. Оно просто будет светить – тускло, как перегоревшая лампа в подъезде, напоминая о том, что свет больше не является источником жизни. Он стал лишь способом фикса-

ции увядания.

Давайте сразу договоримся о правилах игры. Я здесь не для того, чтобы развлекать вас историями о золотой листве и романтических прогулках под зонтом. Оставьте этот суррогат инстаграмным философам. Мы здесь, чтобы смотреть в бездну, которая пахнет мокрой землей, гнилыми яблоками и несбывшимися обещаниями.

Почему мы так боимся осени? Потому что яркость красок, которую мы так боготворим летом, – это всего лишь дешевая анестезия. Лето – это гигантская галлюцинация, коллективный психоз. Оно ослепляет нас неоновым зеленым, заставляет верить в бесконечность возможностей, в то, что мы молоды, бессмертны и полны смысла. Но Осенний Бог приходит, чтобы провести детоксикацию. Он выключает этот безумный калейдоскоп и оставляет нас в тишине матового, выцветшего мира.

Посмотрите на его руки. Я часто представляю Его Творцом, который слишком долго копался в остывающей земле, пытаясь слепить из нее что-то стоящее, но в итоге просто бросил инструмент. У Него грязь под ногтями – та самая жирная, черная осенняя грязь, которая пачкает ваши дорогие ботинки, напоминая о том, что в конечном счете мы все – лишь прах, смешанный с дождевой водой. Эта грязь – самая честная субстанция на планете. В ней нет лжи, нет фильтров, нет попыток казаться лучше. Она просто есть.

Истинная суть вещей, господ, проявляется только то-

гда, когда мир превращается в выцветшую фотографию. Когда исчезает отвлекающий маневр цвета, остается структура. Остов. Скелет. Посмотрите на обнаженные деревья в ноябре – они выглядят как нервные окончания самой земли, выставленные напоказ, лишённые защиты листвы. Они беззащитны, но они реальны. Осенний Бог сдирает с реальности кожу, оставляя мясо и кости. И если вам от этого не по себе, значит, вы все еще живете в плену иллюзий.

Я предлагаю вам сделку. Прямо сейчас, на этих страницах, мы снимем ваши розовые очки. Те самые, через которые вы пытаетесь разглядеть «красоту увядания». Мы разобьем их и наденем серые. Не пугайтесь. Серый – это не отсутствие цвета. Это высшая точка честности. В серых линзах вы наконец-то увидите детали, которые раньше тонули в летнем шуме. Вы увидите, как свет падает на мокрый асфальт, создавая зеркала, в которых отражается ваше настоящее лицо – уставшее, возможно, немного испуганное, но живое. В серых очках виднее. В них невозможно спрятаться за яркостью.

Осенний Бог – великий трикстер. Он заставляет вас чувствовать зябкость не для того, чтобы вы простудились, а для того, чтобы вы вспомнили о существовании своего тела. Летом мы растворяемся в пространстве, мы кажемся себе эфирными сущностями. Осень возвращает нас в биологическую клетку. Когда ты дрожишь от сырого ветра на остановке, ты не думаешь о котировках акций или о том, что о тебе подумают соседи. Ты чувствуешь, как кровь пульсирует

в жилах, пытаюсь согреть замерзающие конечности. Ты становишься плотным. Ты становишься здесь и сейчас.

Это книга о прозрении. О том, как полюбить хандру, не как болезнь, а как глубокую философскую позицию. Мы пройдем через двенадцать кругов этого серого рая, через туман и слякоть, через одиночество длинных вечеров и молчание телефонов. Я буду вести вас, иногда иронично подталкивая в спину, когда вы захотите повернуть назад к обогревателю, а иногда бережно поддерживая за локоть, когда сырость проберет до самых фибр вашей души.

Потому что за этим дискомфортом скрывается нечто грандиозное. Это тайна, которую Осенний Бог открывает только тем, кто не закрыл лицо руками. Это ощущение сопричастности к великому циклу умирания и возрождения. Но чтобы возродиться, нужно сначала по-настоящему, качественно умереть вместе с этим октябрём. Нужно позволить этой пелене окутать себя, позволить матовости бытия стереть острые углы вашего эго.

Мир становится скучным? О, нет. Мир становится глубоким. Как колодец, в который долго не заглядывали. Туман – это не препятствие для зрения, это приглашение заглянуть внутрь себя. Ведь когда снаружи не на чем остановить взгляд, приходится смотреть в глубину. А там, поверьте, накопилось немало мусора, который Осенний Бог поможет вам рассмотреть и, возможно, сжечь вместе с опавшей листвой.

Мы привыкли делить жизнь на полосы. Белая – радость,

черная – горе. Мы ждем яркости красок как избавления. Но Осенний Бог учит нас другому цвету – цвету ожидания. Цвету паузы. Это не черная полоса, это полоса прозрачности. Это время, когда Бог берет выходной от сотворения чудес и просто садится рядом с тобой на скамейку в пустом парке, достает флягу с чем-то крепким и молчит. И в этом молчании больше любви и понимания, чем во всех весенних песнопениях.

Вы прозреете от прочитанного. Не потому, что я открою вам великие истины, а потому, что я заставлю вас смотреть туда, куда смотреть неприятно. Мы снимем сливки с самой густой тоски, мы превратим ваше желание «хотя бы зимы» в осознанное наслаждение этим промежуточным, пограничным состоянием. Зима – это смерть, весна – это рождение. Но осень... осень – это сама жизнь в ее наиболее остром, осознанном проявлении. Это момент перед вдохом. Это затянувшийся выдох.

Приготовьтесь. Воздух становится густым, как остывший чай. Небо опускается ниже, почти касаясь ваших плеч. Это Осенний Бог заходит в комнату. Он не спросит разрешения. Он уже здесь. Он под вашими ногтями, в вашем сбивчивом дыхании, в этой щемящей пустоте под ложечкой.

Добро пожаловать в Его мир. Здесь будет холодно, неудобно и бесконечно прекрасно в своей правдивости. Мы начинаем наш путь в самое сердце серости. И поверьте, выйдя с той стороны, вы уже никогда не сможете смотреть на солнце

без легкого чувства иронии.

**Мы открыли дверь в этот мир. Вы готовы перейти к
Первой главе и увидеть то самое «Матовое зеркало»,
в котором выключают свет?**

Глава 1. Матовое зеркало: когда выключают свет

Ты помнишь этот момент? Тот самый неуловимый щелчок в пространстве, когда реальность внезапно меняет агрегатное состояние. Это происходит не календарного первого сентября, и даже не тогда, когда первый желтый лист предательски падает на лобовое стекло твоего автомобиля. Это происходит внутри.

Представь себе огромный, залитый неоновым светом торговый центр, где музыка гремит так громко, что ты не слышишь собственных мыслей, а запахи фастфуда и дорогих парфюмов смешиваются в дурманивший коктейль «вечного праздника». И вдруг – тишина. Выключают основное освещение. Музыка обрывается на полуслове. Загораются тусклые лампы аварийного выхода. И ты стоишь посреди этого огромного, теперь уже пустого и гулкого пространства, понимая, что праздник не просто закончился – его никогда и не было. Была лишь иллюзия света.

Это и есть первое касание Осеннего Бога.

В этот день ты выходишь на улицу, привычно прищуриваясь, ожидая удара тепла в лицо, но вместо этого получаешь пощечину. Солнце на месте. Оно висит там же, в той же

точке зенита, но оно изменилось. Оно больше не твой друг. Оно больше не любовник, ласкающий кожу. Оно – холодный, отстраненный свидетель. Оно светит так, как светит лампочка в операционной или в камере допроса: ярко, стерильно и абсолютно равнодушно. Оно подсвечивает пыль, кружащуюся в воздухе, и трещины на фасадах домов, которые ты не замечал все лето. Это солнце-предатель. Оно светит издалека, словно говорит тебе: «Я больше не имею к тебе отношения. Выживай сам».

В этот момент мир становится матовым.

Знаешь, есть такое стекло – сатин. Оно гладкое на ощупь, но сквозь него ничего невозможно разглядеть отчетливо. Только силуэты, только тени. Осенний Бог накрывает город этим огромным колпаком из матового стекла. Исчезает глянец. Исчезает та навязчивая, почти вульгарная четкость летнего полдня, когда каждый лист, каждый кирпич кричал о своем существовании. Теперь всё смягчается, тускнеет, уходит в полутона. Бытие теряет свою остроту и превращается в кисель.

Я иду по набережной и вижу то, что называю «кладбищами пластиковой мебели». О, это зрелище достойно пера Данте, если бы тот жил в эпоху потребления. Посмотри на эти летние террасы, которые еще неделю назад были центрами вселенной. Там смеялись женщины в легких платьях, там звенел лед в бокалах с аперолом, там пахло кальяном и беззаботностью. А сегодня? Сегодня Осенний Бог распорядил-

ся иначе.

Стулья сгруппированы в странные, уродливые пирамиды и стянуты цепями. Столы перевернуты ножками вверх, словно дохлые жуки. На всё это наброшен дешевый синий брезент, который хлопает на ветру, как крылья раненой птицы. Это ирония чистой воды: мы строили эти храмы удовольствия, думая, что лето – это константа. Но пришел Осенний Бог, дунул холодным дыханием, и вся эта бутафория обнажила свою истинную суть. Это просто грязный пластик. Это временные декорации, которые теперь выглядят как мусор, забытый на задворках истории.

Я останавливаюсь у кафе. Внутри еще горит свет, но стекло уже покрыто конденсатом. Мутное, заплаканное стекло. И вот здесь, сквозь это марево, Он заглядывает тебе в глаза. Осенний Бог не имеет лица, но ты чувствуешь Его взгляд. Это взгляд старого хирурга, который знает, что операция будет болезненной, но необходимой. Он смотрит на тебя через это мутное стекло кофейни и спрашивает: «Ну что, герой? Во что ты будешь верить теперь, когда декорации убрали?»

В этой матовости есть своя, особая честность. Когда выключают свет, ты перестаешь видеть внешнее и начинаешь чувствовать плотность воздуха. Ты замечаешь, как изменился запах. Лето пахнет пылью и гормонами. Осень пахнет озоном, мокрым асфальтом и – если принюхаться – тонким ароматом тлена. Это запах правды. Это запах земли, которая готовится к долгому сну.

Люди в такие дни становятся похожи на тени. Они кутаются в пальто, поднимают воротники, прячут подбородки в шарфы. Мы все вдруг становимся маленькими и беззащитными. Вся наша спесь, вся наша деловитость испаряется под этим равнодушным солнцем. Осенний Бог лишает нас социального лоска. В летней футболке ты можешь казаться кем угодно – альфа-самцом, искателем приключений, богемой. В осенней куртке, с покрасневшим носом и слезящимися от ветра глазами, ты просто человек. Один из миллионов. Песчинка в матовом космосе.

И вот тут просыпается та самая нежность, о которой я говорил. Она просачивается сквозь ткань твоего существа, как вода сквозь старый фундамент. Это нежность к самому себе – такому хрупкому, такому временному. Ты заходишь в кофейню, берешь чашку горячего чая, и это тепло кажется тебе самым большим благом во вселенной. Ты держишься за эту керамическую чашку, как за спасательный круг. Осенний Бог заставил тебя ценить простые вещи. Он выключил солнце, чтобы ты почувствовал тепло собственных ладоней.

Разве это не высшее проявление любви?

Нам кажется, что нас наказывают хандрой и серостью. Нам хочется яркости, нам хочется, чтобы кто-то снова включил этот безумный летний проектор. Мы капризничаем, как дети, у которых отобрали игрушку. Но Осенний Бог мудр. Он знает, что если свет будет гореть постоянно, мы просто выгорим изнутри. Нам нужна эта пауза. Нам нужна эта пеле-

на, чтобы зрение отдохнуло от пестроты.

Матовое бытие – это время ревизии. В тусклом свете лучше видно, что в твоей жизни настоящее, а что – наносное. Вещи, которые казались важными в июле, в октябре выглядят нелепо. Помните ту жажду деятельности, ту погоню за впечатлениями? Сейчас всё это кажется суетой насекомых. Осенний Бог наводит порядок, замедляя время. Он превращает секунды в капли, которые медленно стекают по стеклу.

Я смотрю на свое отражение в витрине. Оно расплывчатое, неясное. Я больше не вижу каждой морщинки, каждого изъяна. Я вижу силуэт. Я вижу идею человека. И в этом есть глубокое психологическое освобождение. Нам не нужно больше соответствовать картинке из журнала. Картинка сгорела. Осталась только суть.

Многие называют это депрессией. Я называю это созерцанием истины. Психологи говорят о «сезонном аффективном расстройстве», пытаясь впихнуть величие Осеннего Бога в узкие рамки медицинских справочников. Какая нелепость! Какая человеческая гордыня – называть прозрение расстройством. Мы расстроены только потому, что наши иллюзии больше не настраиваются на частоту реальности. Реальность – она вот такая: матовая, тихая, зыбкая.

Осенний Бог сидит на крыше каждого дома, свесив ноги, и наблюдает, как мы пытаемся согреться. Он не смеется над нами. Он сочувствует, но не вмешивается. Его задача – обеспечить переход. Перевести нас из состояния буйного роста в

состояние глубокого осмысления.

Знаете, что самое прекрасное в этом матовом зеркале? Оно не льстит. Оно показывает мир таким, какой он есть, когда у него нет сил притворяться. Эти голые ветви, это низкое небо, эта бесконечная серая дымка – это и есть лицо вечности. Лето – это макияж. Осень – это умытое лицо старой женщины, в морщинах которой записана история мира.

Когда выключают свет, становится страшно только тем, у кого внутри темно. Если же у тебя есть свой собственный источник, это матовое состояние становится идеальным фоном. Ты наконец-то можешь увидеть свое внутреннее свечение. Но для этого нужно перестать бежать. Нужно остановиться у того самого мутного стекла, посмотреть сквозь него на пустую улицу и признать: «Да, лето кончилось. И это прекрасно».

Прекрасно в своей неотвратимости. Прекрасно в своей жестокости.

Осенний Бог делает нас философами поневоле. Он заставляет нас задавать вопросы, от которых мы успешно бежали три месяца. Зачем всё это? Куда мы идем? Что останется, когда опадут последние листья? И пока ты стоишь в этом матовом киселе бытия, ответы начинают приходить сами собой. Не словами, а ощущениями. Холодным покалыванием в кончиках пальцев. Тяжестью пальто на плечах. Тихим шорохом дождя, который шепчет: «Смирись. Замри. Слушай».

Я иду дальше, мимо закрытых лотков с мороженым, кото-

рые теперь выглядят как надгробия летней радости. Ирония судьбы: мы тратим столько сил на то, чтобы окружить себя яркостью, а в итоге находим покой в серости. В этой главе я хотел, чтобы вы почувствовали этот холодный пот реальности на лбу. Чтобы вы поняли: Осенний Бог уже положил руку вам на плечо.

Не стряхивайте её. Не пытайтесь убежать в солярий или в торговый центр, где светят фальшивые солнца. Оставайтесь здесь, в этой матовости. Позвольте этой пелене проникнуть под кожу. Это первое касание – самое важное. Это инициация.

Вы почувствовали, как стало тише? Это не слух притупился. Это мир затаил дыхание. Осенний Бог только что зашел в комнату и выключил свет. Шоу закончилось. Начинается жизнь. И в этом матовом зеркале, если смотреть достаточно долго, ты увидишь не просто себя. Ты увидишь Бога, который все это время ждал, когда ты наконец перестанешь отвлекаться на блески и посмотришь в глубину.

Завтра будет еще холоднее. Завтра туман станет гуще, а небо – ниже. Но сегодня, в этот первый день матовости, просто запомни это ощущение. Запомни, как солнце впервые посмотрело на тебя как на незнакомца. Это был первый урок. Первый шаг к тому прозрению, о котором мы будем говорить дальше.

Осенний Бог вытер грязь о подол своей серой мантии и улыбнулся. Ему нравится, как ты ежишься. Ему нравится

твоя растерянность. Потому что именно из этой растерянности рождается истинная твердость. Твердость человека, который не боится темноты, потому что он сам стал частью этой осени.

Мы только начали. Впереди – психология пелены, диктатура сырости и та самая нежность, которая разрывает сердце. Но сейчас – просто смотри в это матовое зеркало. Не моргай. Пусть твои глаза привыкнут к отсутствию глянца. В этом мире без фильтров ты впервые встретишься с собой. Настоящим. Озябшим. Но наконец-то прозревшим.

Первое касание завершено. Мы стоим в матовом мире, и пелена уже касается наших лиц.

Глава 2. Психология пелены

Ты когда-нибудь задумывался, почему при первом же серьезном тумане в городе на дорогах наступает коллапс? Дело не только в плохой видимости. Дело в панике. Человек – существо, одержимое контролем. Мы выстроили цивилизацию на фундаменте прямой видимости: мы хотим знать, что ждет нас за поворотом, мы хотим видеть горизонт, мы хотим верить, что траектория нашего движения четко прочерчена на сотни километров вперед. Но Осенний Бог – великий иллюзионист, который одним движением руки стирает перспективу. Он набрасывает на мир пелену, и вдруг выясняется, что без визуальных костылей мы не умеем ходить.

Пелена – это не метеорологическое явление. Это состояние твоего сознания, которое Осенний Бог транслирует извне вовнутрь. Это туман в мыслях, который наступает синхронно с туманом за окном. В этой главе я хочу вскрыть твою черепную коробку и показать, как именно этот серый кисель разъедает твои привычные настройки. Почему нам так чертовски страшно терять ясность?

Ответ прост и унизителен: ясность дает нам иллюзию безопасности. Пока мы видим очертания домов, дорожные знаки и лица прохожих, нам кажется, что мир предсказуем. Мы путаем «вижу» и «понимаю». Но Осенний Бог лишает нас

этой подпорки. Он говорит: «Смотри, ты не видишь даже собственных пальцев, вытянутых вперед. Где теперь твоя уверенность? Где твои грандиозные планы на завтра, если ты не знаешь, не врежешься ли ты в столб через два шага?»

Это состояние неопределенности – высшая форма попытки для современного разума, привыкшего к GPS-навигации и долгосрочному планированию. Пелена превращает мир в бесконечное «может быть». Может быть, там, за белой стеной, тупик. Может быть – обрыв. А может – там вообще ничего нет, и мир просто закончился, оставив тебя одного в этой ватной пустоте.

Осенний Бог – гениальный психолог. Он знает, что в тумане человек замирает. Это инстинкт. Когда ты не видишь пути, ты останавливаешься. И именно этого Он добивается. Он хочет, чтобы ты замер. Чтобы ты перестал нестись по инерции своего летнего возбуждения и наконец-то прислушался к тишине внутри этой пелены. Но для большинства из нас эта тишина невыносима. Она кричит о нашей ничтожности. И тогда мы начинаем лихорадочно искать спасения.

И вот тут на сцену выходит ирония.

Ирония – это единственный щит, который я могу тебе предложить, когда ты стоишь посреди серой мглы и чувствуешь, как хандра липкими пальцами лезет тебе под ребра. Когда мир становится слишком пафосным в своем увядании, когда Осенний Бог слишком явно давит на жалость своей сыростью, нужно уметь усмехнуться. Отстраненно, холодно,

чуть-чуть свысока.

Я смотрю на людей в тумане и вижу, как они сражаются с пеленой. Они включают противотуманные фары, они щурятся, они ускоряют шаг, надеясь поскорее проскочить этот «неуютный» участок пути. Глупцы. Пелену невозможно проскочить, потому что она уже у них в головах. Я же предпочитаю стоять и наблюдать за тем, как реальность теряет свои границы. Это забавно: смотреть, как огромный бетонный небоскреб – символ человеческого триумфа – бесследно растворяется в паре миллиардов микроскопических капель воды. Осенний Бог просто стер его ластиком, как неудачный набросок. И если ты не можешь над этим посмеяться, значит, ты слишком серьезно относишься к бетону.

Психология пелены – это психология утраты контроля. Мы боимся потерять ясность, потому что боимся встретиться со своими настоящими мыслями, которые обычно тонут в визуальном шуме. В тумане нет шума. Есть только ты и этот ватный занавес. И если тебе скучно или страшно – значит, внутри у тебя пусто или грязно. Осенний Бог просто создает условия для свидания с самим собой. Неудивительно, что большинство людей предпочитает проигнорировать это приглашение, уткнувшись в яркие экраны смартфонов – этих карманных суррогатов летнего солнца.

Но мы с тобой пойдем другим путем. Мы погрузимся в эту неопределенность. Знаешь, в чем истинная мощь этого состояния? В том, что в пелене всё становится равноценным.

Король и нищий в густом тумане выглядят одинаково – как два неясных пятна. Твои грандиозные проблемы и мелкие неурядицы теряют свою форму. Пелена – это великий уравниватель. Она дает тебе шанс пересмотреть иерархию своих ценностей. Если ты не видишь своих достижений, существуют ли они? Если ты не видишь своих врагов, опасны ли они?

В этом состоянии «замирания», которое навязывает нам Осенний Бог, есть скрытая нежность. Это похоже на то, как мать накрывает колыбель тонкой тканью, чтобы свет не тревожил сон младенца. Бог Осени считает нас слишком перевозбужденными, слишком дергаными. Он накрывает нас пеленой, говоря: «Тише, тише. Тебе не нужно сейчас ничего решать. Тебе не нужно никуда бежать. Просто будь в этом облаке. Дыши этой влагой. Почувствуй, как твои мысли замедляются, превращаясь из острых осколков в гладкие камни на дне ручья».

Но хандра – коварная штука. Она питается этой тишиной. Она шепчет, что пелена никогда не рассеется. Что этот туман – это и есть твое будущее. И вот здесь твоя ирония должна стать твердой, как сталь. Ты должен сказать хандре: «Да, возможно, это навсегда. И что? Зато какая экономия на зрелищах. Зато какая возможность не видеть лишних лиц». Отстраненность – это твой кислородный баллон. Ты не внутри тумана, ты – наблюдатель. Ты смотришь на то, как твое эго пытается нащупать опору в пустоте, и тебе должно быть от этого весело.

Пелена лишает нас ориентиров, чтобы мы научились ориентироваться по внутреннему компасу. Если ты не знаешь, где север, тебе приходится спрашивать у своего сердца, куда ты хочешь идти. Психология пелены – это возвращение к интуиции. В летней яркости интуиция не нужна, там всё очевидно. Осенью ты идешь на ощупь, и каждый твой шаг становится осознанным актом веры.

Я помню, как однажды гулял в таком густом тумане, что потерял дорогу в собственном дворе. Я стоял у дерева, которое знал десять лет, но в пелене оно превратилось в чудовищного стража из иного мира. Мой мозг лихорадочно пытался «дорисовать» реальность, подставляя старые шаблоны, но они не подходили. И в какой-то момент я сдался. Я перестал пытаться «узнать» двор. Я просто начал его чувствовать. Кора дерева под пальцами была мокрой и холодной. Запах прелых листьев стал резким, почти осязаемым. И тогда страх исчез. На его место пришла глубокая, психологическая тишина.

Осенний Бог через пелену учит нас доверию. Доверию к процессу, который мы не контролируем. Мы хотим зимы, потому что зима – это определенность. Белый снег, четкие границы, мороз, который кристаллизует мир. Мы хотим весны, потому что весна – это обещание. Но пелена – это отказ от обещаний. Это жизнь в промежутке. Это чистый лист, на котором Осенний Бог еще не решил, что написать.

Ирония ситуации заключается в том, что именно в этом

тумане мы наиболее реальны. Без масок, которые мы надеваем для «светлого» мира, без ролей, которые требуют четких декораций. В пелене ты – просто сгусток сознания, пытающийся не споткнуться. И в этой простоте есть невероятная красота. Нежная, пронзительная красота уязвимости.

Мы боимся потерять ясность, потому что боимся увидеть, что за ней ничего нет. Что ясность – это лишь тонкая пленка на поверхности глубокого, темного океана хаоса. Осенний Бог протыкает эту пленку пальцем, и пелена начинает сочиться внутрь. Он хочет, чтобы ты привык к этому хаосу. Чтобы ты понял: неопределенность – это не враг. Это естественное состояние вселенной. Ясность – это исключение. Туман – это правило.

Когда ты примешь это, хандра отступит. Она не сможет зацепиться за человека, который смеется в лицо неизвестности. Ты начнешь получать удовольствие от этой игры. Ты будешь выходить в туман, как на свидание с великой тайной. Ты будешь смотреть на мутные очертания домов и думать: «А что, если сегодня там не город, а лес? Что, если за этой пеленой – океан?»

Это состояние неопределенности становится творческой площадкой. Когда Осенний Бог лишает тебя внешних ориентиров, ты вынужден создавать свои собственные. Ты строишь свой мир из того, что можешь нащупать. И этот мир оказывается гораздо прочнее того, что был построен на солнечном свете.

Психология пелены – это школа мужества для души. Это умение сохранять твердость, когда под ногами зыбкая почва, а перед глазами – вата. Это умение быть нежным с самим собой, когда мир становится холодным и невнятным. И, прежде всего, это умение быть отстраненным автором собственной жизни, который понимает: этот туман – всего лишь глава в длинной книге, и её автор – Осенний Бог – знает, когда пора будет перевернуть страницу.

Но пока страница не перевернута, мы будем стоять здесь. В самой гуще этой белесой мглы. Мы будем дышать этим туманом, пока он не станет частью нашего существа. Мы перестанем ждать прояснения. Мы сами станем этой пеленой – текучей, неуловимой и абсолютно свободной от необходимости быть понятными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.